

Линь Эрцзя, которого феромоны Шао Цзяньюя успокоили настолько, что он почувствовал себя невероятно комфортно, начал болтать, не задумываясь: Ты тогда мне не ответил, так что наши отношения нельзя назвать полноценными. Разве что я состоял в них в одностороннем порядке. У меня нет никакого опыта... но ты, кажется, как раз очень даже опытный.

Я просто слушал на уроках физиологии внимательнее тебя, — Шао Цзяньюй поправил его челку, влажную от выступившего пота. — Чем ты вообще занимался на этих уроках?

Спал, — честно признался Линь Эрцзя. — А еще писал тебе любовные письма. — Он закрыл глаза и, уютно устроившись в объятиях Шао Цзяньюя, тихонько заворчал: — И в итоге, прочитав каждое из них, ты мне отказал.

Но я каждое из них внимательно прочел.

Эх, — Линь Эрцзя покачал головой, обиженно поджав губы. — Отказ есть отказ. Я пережил несчастную любовь десять тысяч раз.

... — Шао Цзяньюй помолчал некоторое время, а затем спросил: — Все еще плохо себя чувствуешь?

Мне уже намного лучше... — Линь Эрцзя внезапно пришел в себя, осознав, что наговорил лишнего, поддавшись слабости.

Он открыл глаза, посмотрел на Шао Цзяньюя и тут же сел прямо: Мне было так хорошо... то есть нет, мне было так плохо, что голова не соображала. В последнее время у меня, кажется, что-то с мозгами, постоянно несу всякую чепуху. Не обращай внимания. Я в порядке, мне уже совсем хорошо.

Шао Цзяньюй посмотрел на него: Совсем хорошо?

На все сто процентов! — Линь Эрцзя уверенно кивнул. — Поясница больше не ноет, ноги не болят, и ходить стало легко. Хотя на пятый этаж взбегу, не запыхаюсь!

...Ну и хорошо, — Шао Цзяньюй кивнул. — Выходи из машины, я помогу тебе собрать вещи, переедешь ко мне.

А... я... — Линь Эрцзя по привычке попытался было сопротивляться.

Я не могу оставить тебя одного, — перебил его Шао Цзяньюй. Он вышел из машины, открыл дверцу, прикрыл рукой голову Линь Эрцзя, помогая ему выбраться. — Ты мой омега, мой партнер, я обязан заботиться о твоём здоровье.

Э-э... ну ладно, — Линь Эрцзя неловко кивнул, думая про себя: «Ладно, в конце концов, сейчас я действительно в тебе нуждаюсь. Считай это компенсацией за то, как хорошо тебе было со мной прошлой ночью».

Он только что вернулся из Цзянши, вещей с собой было немного, так что он управился довольно быстро. Пока он возился с сумками, влиятельный босс Шао Цзяньюй большую часть времени просто наблюдал за ним.

Линь Эрцзя чувствовал себя еще более неловко; казалось, даже в те времена, когда он повсюду бегал за Шао Цзяньюем, тот никогда не рассматривал его так пристально.

Лишь когда пришло время спускаться вниз, великий босс наконец проявил себя, взяв на себя мужскую работу — он дважды сходил вниз, чтобы перенести багаж своего на данный момент слабого и хрупкого омеги.

Я... я буду спать в гостевой комнате, — едва войдя в виллу Шао Цзяньюя, Линь Эрцзя первым делом обозначил свою позицию, твердо решив не доставлять хозяину лишних хлопот.

Если он будет вести себя так, будто его прошлая влюбленность — это несерьезно, и всем видом показывать, что даже после метки он не требует ответственности, Шао Цзяньюй не должен чувствовать себя обремененным.

Раздельные спальни? — переспросил Шао Цзяньюй. Увидев решительный настрой Линь Эрцзя, он велел домработнику подготовить гостевую комнату и отнести туда вещи.

Линь Эрцзя категорически не хотел снова ночевать в хозяйской спальне. Тот пожар, что разгорелся вчера, — даже если в памяти остались лишь обрывки, он боялся, что тело помнит всё. Стоило ему только лечь туда, как он опасался, что не сможет себя контролировать.

Тот... Шао Цзяньюй, — уже перед тем, как войти в гостевую и закрыть дверь, тихо окликнул его Линь Эрцзя, когда тот, закончив с делами, уже собирался уходить.

М? — он обернулся. На лице все то же бесстрастное выражение, но в нем не было ни капли раздражения — напротив, казалось, он был полон терпения.

Спасибо за сегодня, — искренне поблагодарил Линь Эрцзя.

Не за что, — ответил Шао Цзяньюй сухо. — Вчера у меня был период повышенной чувствительности, и благодаря тебе я впервые пережил его так быстро.

Услышав это, Линь Эрцзя невольно покраснел: В... в будущем я тоже могу тебе помогать.

М, — Шао Цзяньюй развернулся, направляясь в свою комнату. — Тебе никуда от этого не деться.

Неизвестно, было ли дело в том, что за последние два дня он слишком сблизился с Шао Цзяньюем — вплоть до нулевой дистанции... но той ночью, лежа в большой кровати гостевой спальни, Линь Эрцзя впервые за долгое время увидел во сне Шао Цзяньюя, их школьные годы.

Это был его последний признание, в день, когда выпускники одиннадцатого класса делали общее фото. Тогда ему показалось, что отношение Шао Цзяньюя к нему стало мягче:

Во время обеденного перерыва он подкупил соседа по парте Шао Цзяньюя, сел рядом с книгой и притворился, что читает. Шао Цзяньюй молча разрешил, а когда Линь Эрцзя случайно засыпал, проснувшись, всегда обнаруживал, что Шао Цзяньюй накрыл его своей школьной формой.

На уроках физкультуры, когда он подпрыгивал рядом с Шао Цзяньюем, обнимая баскетбольный мяч, тот позволял ему поиграть с ними, а иногда даже покупал ему бутылку воды.

В столовой, когда он прибежал с подносом и сидел напротив, Шао Цзяньюй позволял это, а иногда даже перебрасывался парой слов...

Маленький Линь Эрцзя чувствовал, что всё вокруг прекрасно, и это железное дерево наконец-то расцветет ради него. Поэтому он написал самое искреннее любовное письмо в своей жизни, сбежал в цветочный магазин напротив школы, купил розу цвета шампань, в школьном буфете купил плитку шоколада и даже украл мегафон у начальника охраны, решив пойти ва-банк ради любимого человека.

В тот день, когда делали общее фото, он сидел у окна: одним ухом слушал урок английского, другим прислушивался к шуму снаружи. Левое ухо было забито сложными грамматическими конструкциями, а правое тонуло в бесконечных криках «сыр!», и он весь был в режиме ожидания.

Наконец, в тот момент, когда после съемки все начали расходиться, через окно он сразу заметил в толпе ту статную, красивую фигуру. Его глаза загорелись, он буквально ожил.

Схватив письмо, розу, шоколад и мегафон, он вскочил с места и, не обращая внимания на яростные крики учителя английского, выбежал из класса, средь бела дня прогуливая урок.

Он стремглав сбежал по лестнице, вылетел из здания школы, взобрался на самый центр фонтана, поднял мегафон, включил его и во все горло закричал: Шао Цзяньюй!